

Франциска Гем

o

Сёстры-вампирши

Подружка — кровь с молоком

Перевод с немецкого
Татьяны Хабатниковой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Новосёлы

Всё началось в конце лета, в пятницу. День был солнечный, тёплый, птицы чирикали в посёлке из однотипных домов, выстроившихся в ряд на окраине большого города; мужчина в белой майке мыл свою машину, женщина, выглядывающая из окна, грызла ногти, а пятнистый пёс задрал ногу, чтобы пометить столбик с названием улицы. Это была приятная, сонливая, обыкновенная пятница в конце лета. До тех пор, пока...

...пока в Липовый тупик с грохотом не свернул большой серый автофургон. Он вылетел из-за угла, шины закрипели, а из выхлопной трубы вырвались три чёрно-серых облачка, словно машина кашляла, как курительщик. Мужчина в майке опустил тряпку, женщина в окне прикусила палец, а пёс эффектной дугой испустил струйку на тротуар, обернувшись к фургону. На боковой стенке фургона была едва различимая под слоем дорожной грязи надпись: *Transport de mobil**.

Перед последним в ряду домом №23 фургон остановился, выдав очередное облачко чёрной копоти. Это прозвучало как тяжкий вздох. Дверца распахнулась, и из кабины выпрыгнул высокий, стройный мужчина.

Он был одет во всё чёрное, да ещё и в накидке с высоким воротником-стойкой, несмотря на то, что погода

* Перевозка мебели (рум.).

была солнечная. Его смоляные длинные волосы были размашистой волной зачёсаны назад, и двигался он как дирижёр на сцене. Но поразительнее всего были его усы. Они напоминали два гигантских лакричных завитка и были такие густые и длинные, что закрывали уголки рта и свисали до подбородка. Мужчину с лакричными усами звали Михай Тепез.

Михай Тепез отличался от других людей. Точнее говоря, он вообще не был человеком. Михай Тепез был вампиром. Он родился 2676 лет тому назад, став вторым сыном в почтенном вампирском семействе, обитавшем в деревушке Бистрийн в Семиградье. Семиградье, которое ещё называют Трансильванией, находится приблизительно в центре Румынии. Это красивая страна с могучими горами, бурными реками и дремучими лесами. Михай Тепез очень любил свою родину, но всё же покинул её. Из-за женщины. Так уж вышло.

Дело было так: шестнадцать лет назад Михай рыскал по лесам своей родины. Стоял тёплый день, но небо было хмурым. Михай искал, чем бы ему перекусить под вечер: гусеницей, белочкой или косулей... На сумеречной лесной тропинке он увидел хорошенькую, румяную туристку, разбудившую его аппетит. Он подкрался сзади, обхватил руками её узкие плечи и со всей страстью впился ей в шею.

Ослеплённый жаждой крови, Михай не заметил одной подробности: на шее у хорошенькой туристки был ортопедический воротник. За несколько дней до того в походе по Карпатам с ней произошёл несчастный случай. Впрочем, несчастным он оказался для Михая, а для туристки — счастливым. Она вскрикнула, но не от боли,

а только от испуга. Клыки Михая вонзились в медицинскую шину. Он еле вытянул зубы назад и растерянно уставился на хорошенькую туристку. Что это за женщина такая, о которую он чуть не обломал себе клыки? Вампир увидел её большие, густой синева глаза, и — опа! — тут с ним и случилось *это*. То была любовь с первого укуса.

С Эльвирой (так звали туристку) случилось то же самое. Ну и началось: поцелуи, клятвы в любви, прогулки при луне и споры, кому делать уборку. Чтобы не углубляться в детали, скажем коротко: через три года Михай и Эльвира поженились. А через четыре года у них родилась двойня: Сильвания и Дакария.

— Эльвира, Сильвания, Дака! Мебель приехала! **Рапедади***, быстренько! — крикнул господин Тепез.

Его зов прогремел в тишине пригорода, словно трубный глас. Вампир снова повернулся к шофёру, который тоже вышел из кабины и закурил.

В доме №23 в Липовом тупике распахнулась дверь, и изящная женщина с рыжей кудрявой шевелюрой и в тёмно-синем платье, которое так подходило к цвету её глаз, быстро просеменила к фургону. То была Эльвира Тепез.

— Михай! Чёрт бы вас побрал, вы уже тут!

За ней вышла девочка в коротких чёрных брюках, чёрных чулках в сеточку и чёрных ботинках по щиколотку с лиловыми шнурками. На её бледном носике сидели большие солнечные очки-авиаторы. Смоляные волосы

---

* Быстро. — Здесь и далее приводится перевод с древнего диалекта вампваниш. Носителей можно встретить исключительно ночью. — *Прим. ред.*

торчали во все стороны, чем-то напоминая морского ежа. То была Дакария Тепез, которой, однако, не очень нравилось её имя, поэтому она настаивала на том, чтобы её звали просто Дака.

— Ничего себе уже, — пробормотала она и зевнула.

— Всё относительно, а наша мама мыслит позитивно, — сказала такая же бледная девочка, вышедшая вслед за Дакой.

То была Сильвания, которой её имя нравилось, и она терпеть не могла, если кто-нибудь придавал ему уменьшительную или ласкательную форму. Она была одета в тёмно-красную юбку до колен, расшитую понизу чёрным бисером, и балетки. Ещё на ней была экстравагантная шляпа — ни дать ни взять английская дама на ипподроме, — а на плечи был наброшен чёрно-красный палантин. Она была чуть меньше ростом и чуть приземистей своей сестры, и на семь минут старше.

Эльвира, Дака и Сильвания Тепез покинули Бистрин ранним утром: приехали в столичный аэропорт, откуда самолётом прилетели в Германию, прямо в Биндбург. Михай Тепез улетел сюда ещё ночью, своим ходом. Дака с удовольствием полетела бы с ним, но ей пока не хватало выносливости для такого рода перелётов между странами. Для Михая же расстояние в 1490 километров между его старой и его новой родиной было пустяковым прогулочным полётом. (В юности, то есть 1244 года тому назад, Михай принимал участие в нескольких марафонских перелётах на 4200 километров, а однажды он со своим братом Владом совершил даже кругосветный перелёт. Но и сегодня, в свои 2676 лет, он был ещё в отличной форме.)

Перевозчик мебели, который выехал из Семиградья ещё несколько дней назад, должен был приехать в Биндбург одновременно с Тепезами, но он заплутал на одной особенно сложной дорожной развязке. К счастью, эта развязка была всего в нескольких километрах от пункта назначения, и господин Тепез смог с воздуха разыскать заплутавший фургон и ровно через два часа сопроводить его в Липовый тупик.

— Ну, давайте приступим! — Господин Тепез потирал руки, пока шофёр с сигаретой в уголке рта открывал заднюю дверь фургона.

— Мои растения! — воскликнула госпожа Тепез.

— Мой аквариум! — воскликнула Дака.

— Моя виолончель! — воскликнула Сильвания.

Во время долгой поездки по ухабистым дорогам, мостовым и на нескольких лихих поворотах кое-что в фургоне перевернулось и перемешалось. Дака рывком вытянула с грузовой платформы корзину с книгами, запустив тем самым целую лавину. В фургоне загремело и застучало.

— *Щлоц зоппо!** — крикнула она, но было уже поздно.

Огромная ваза для цветов покатилась впереди какого-то ящика, набрала высокую скорость, спланировала по воздуху и приземлилась прямо на шляпу Сильвании — хлоп!

Кактус скользил прямо к Эльвире Тепез, которая быстро подставила ему подол юбки и поймала колючее растение.

— Моя айлостера блоссфельдия! — воскликнула она.

* Вот же чёрт возьми!

В ту же минуту господин Тепез изловил утюг и швабру. Утюгом он успел отбить теннисный мяч, который иначе угодил бы ему прямо в лицо.

Дака, раскрыв рот и вытаращив глаза, наблюдала разрушительную силу этой лавины переезда. К счастью, грохот внутри фургона прекратился. Все с облегчением вздохнули. В этот момент из корзины выпала книга — словарь на 2500 страниц. Буммс! — он приземлился на ногу Даки.

— Ой-й-й! — взывала она.

Сильвания, Михай и Эльвира Тепез тут же один за другим трижды плюнули на ступню Даки. Это было старинное трансильванское средство против боли. Иногда оно даже помогало. Опомившись после пережитого ужаса, Тепезы принялись за разгрузку, принялись с большой осторожностью.

Мужчина в белой майке, женщина с обгрызенными ногтями и пятнистый пёс выпучив глаза смотрели, как массивные шкафы, ящики и кроваво-красный диван переносились в дом №23. И с совершенно округлившимися глазами они наблюдали, как внутри исчезли коллекция тяжёлых чёрных занавесей, гигантская люстра и деревянный старинный орган. А когда в дом заносили огромный морозильный шкаф, штук пятьдесят белых крышек для унитаза и чёрный блестящий гроб, глаза у зрителей вообще чуть не выпали из орбит. Мужчина в белой майке выронил мокрую тряпку, женщина забыла обкусить ноготь, а пёс обмочил последними каплями свою заднюю правую ногу.

В доме №21, примыкавшем к дому Тепезов, покачнулась гардина, и длинный загорелый нос выдал при-

существование ещё одного любопытного зрителя. Но Тепезы были слишком заняты, чтобы обратить на него внимание. В доме № 24, как раз напротив дома Тепезов, к забору подбежал четырёхлетний мальчик.

— Ванна! — кричал он, указывая младенчески пухлым пальчиком на чёрный гроб.

Эльвира Тепез улыбнулась и помахала мальчику одной из унитазных крышек, которые несла в охапке.

Мальчик насупился и потом убежал за свой дом.

— Какие приятные соседи, — заключила госпожа Тепез. Она также помахала мужчине в белой майке, женщине с обгрызенными ногтями, которые после этого отвернулись и притворились занятыми. Пёс наклонил голову набок и продолжал с любопытством наблюдать за занятыми новыми жильцами.

Спустя добрый час фургон опустел, зато дом № 23 наполнился мебелью, ящиками и коробками для переезда. Transport de mobilă распрощался с Липовым тупиком тремя чёрными кашлями выхлопа. Пятнистый пёс погавкал ему вслед.

— Ну разве это не круто? Разве не чудесно? Не великолепно? — Госпожа Тепез провальсировала из прихожей в кухню и провела пальцами по блестящей новенькой плите. — Вы только посмотрите, — потребовала она от Даки и Сильвании, которые рылись в коробках в поисках своих вещей. — Всё новое, всё функционирует, и всё такое чистенькое и красивое! — Госпожа Тепез перепорхнула из холла в гостиную и вдруг исторгла вопль ужаса: — А-а-а!

Дака и Сильвания бросились в гостиную. Господин Тепез стоял посреди комнаты с большим коричневым

пластиковым пакетом и рассыпал по кремово-белому ковру тёмно-коричневую землю.

Лицо госпожи Тепез побелело, как ковёр.

— Что ты делаешь?

Господин Тепез поднял взгляд и пожал плечами:

— Разбрасываю родную землю, что же ещё?

Дака подавила смехок, Сильвания закатила глаза, госпожа Тепез вздохнула.

— Михай, прошу тебя, — начала госпожа Тепез. — Мы же с тобой всё обговорили! Чтобы в новой квартире не было никакой родной земли, никакого гроба, никаких тараканьих бегов и никакой консервированной крови. — Она указала остреньким пальчиком на узкую лестницу, ведущую в подвал.

— Ты это серьёзно? Я должен убраться в подвал?

— Мы больше не в Бистрине, где каждый подливает себе в кофе чуточку крови и все встают с постели с последним лучом заката. Тебе нельзя здесь просто так летать на местности. И вам тоже нельзя, — сказала госпожа Тепез, обращаясь к Даке и Сильвании.

— А я и не собиралась, — ответила Сильвания и потеряла мочку уха.

Господин Тепез разогнул спину.

— Я происхожу из самого старинного в мире вампирского рода, а вампиру необходимы земля родины и гроб.

— Я знаю. Но если кто-нибудь увидит гроб и землю в нашей гостиной, мы немедленно угодим либо в полицейский участок, либо в сумасшедший дом.

— Ну и что. Нас же оттуда снова выпустят.

— Михай, прошу тебя! Ты навлекаешь опасность не только на себя, но и на своих детей. Ты ведь сам знаешь,

что раньше не только вампиры охотились на людей, но и люди на вампиров.

Михай Тепез прищёлкнул языком:

— Некоторые вампиры и поныне охотятся на людей.

— Ну вот видишь. А некоторые люди и поныне охотятся на вампиров. Будет лучше, если пока никто не будет знать, кто здесь поселился. Ведь мы же никого не собираемся пугать, верно?

— Да, но...

— Подвал вполне просторный, — заметила госпожа Тепез.

Дака и Сильвания быстро переглянулись, пока их родители перебрасывались аргументами, словно пинг-понговым шариком. Дака показала пальцем вверх. Самое время уносить ноги.

На верхнем этаже было четыре комнаты: спальня, маленькая ванная, комната Сильвании и комната Даки. Сильвания выбрала себе комнату поменьше, зато из её окна был виден весь посёлок. Из окна Даки открывался вид на поле и небольшой лесок.

Когда Сильвания толкнула дверь в свою комнату, она от ужаса чуть не выронила из рук свою виолончель.

— Мама-а-а!

Дака просунула голову в её комнату:

— Шлоц зоппо!

Вся комната была завалена крышками для унитазов.

— Что случилось? — Госпожа Тепез взбежала вверх по лестнице, за ней муж.

— Вот что! — Сильвания дрожащим пальцем указывала на крышки унитазов.

Госпожа Тепез почесала за ухом:

— Ах да, я совсем забыла тебя предупредить! Представь себе, в Бистрине фабрика устроила распродажу, и я дёшево закупила несколько крышек.

— Но ведь у тебя уже было пятьдесят, — сказала Дака.

— Сколько? Сколько ты ещё докупила? — Голос у Сильвании был низкий, а взгляд тёмный.

Госпожа Тепез пожала плечами:

— Оптовую скидку получаешь при покупке ста штук.

— Это значит, что у нас в квартире теперь сто пятьдесят крышек для унитазов? — Сильвания смотрела на свою мать в полном отчаянии.

— Если точно, то двести пятьдесят. — Та коротко улыбнулась.

Сильвания, наоборот, тяжело вздохнула. За двенадцать лет своей полувампирической жизни она не встречала человека (не говоря уже о вампирах), который был бы таким мечтателем, как её мать.

Госпожа Тепез была художницей. Она много лет мечтала о собственном магазинчике унитазных крышек. Бизнес-идея заключалась в том, чтобы индивидуально оформлять крышки унитазов для клиентов с эстетическими запросами. В их деревне в Семиградье, где большинство жителей, подобно своим вампирским предкам, пред-

почитали справлять нужду на природе, идея потерпела крах. Здесь же, в Биндбурге, их мать хотела снова попытать счастья. Но с какой стати она выгрузила весь товарный запас крышек в комнату Сильвании? Девочка уже знала, чем это ей могло грозить: двойняшкам придётся жить в одной комнате.

— Я прямо завтра же поеду в центр города и посмотрю себе магазинчик, — пообещала Эльвира Тепез за ужином. — Поедьте со мной, это наверняка будет интересно, — пыталась она подбодрить дочек.

Но настроение не поднималось выше подвала. Того, куда Михай Тепез после долгой дискуссии въехал вместе с гробом, родной землёй и органом. В гостиную в качестве компромисса осталась ванночка наподобие кошачьего туалетного лотка, полная трансильванской земли.

Бессонная ночь

— **Ф**ум!д!* — простионала Дака. — Я не могу спать. Она уже в который раз повернулась с одного бока на другой. При этом кровать, напоминающая качели в виде лодки, дрыгалась и скрипела. Ещё эта кровать походила на сказочный гроб, подвешенный на четырёх цепях к четырём столбам. На чёрном постельном белье Даки был белый рисунок в виде жирных личинок. Она поудобнее подбила себе под голову подушку в форме огромного паука.

Всю вторую половину минувшего дня сёстры обустраивались в одной комнате, каждая на своей половине. Родители помогли им перенести мебель, после чего предпочли оставить близняшек одних. В воздухе висело недовольство, словно взрывоопасный невидимый газ.

Девочки молча наводили порядок у себя в шкафах. Когда Дака хотела прикрепить к потолку через всю комнату металлическую цепь — чтобы отвисать на ней, — Сильвания запротестовала, не желая уступать ни сантиметра своей территории. Сперва Дака настаивала на том, что это, несмотря ни на что, всё-таки её комната. Хотя обеим сёстрам было ясно, что пройдут долгие месяцы, прежде чем унитазные крышки исчезнут из комнаты Сильвании.

* Чёрт!

Потом Дака предложила сестре сделку: взамен подвешенной во всю комнату цепи Сильвания ставит на половине Даки старое, сухое дерево, ставшее вешалкой для шляп. Дерево категорически не помещалось на половину Сильвании из-за всех этих книжных полок, туалетных столиков и шкафов для тряпок. Так они и договорились. Дака подвесила цепь, а Сильвания поставила на её половине своё шляпное дерево.

Потом они поместили свои половины. Дака прикрепила над своей кроватью постер Krypton Крах, её любимой трансильванской группы. Сильвания же подвесила у себя букет засушенных роз. Бабушка Жежка прислала ей эти цветы на день рождения службой «Трансфлайроп». Но иногда перед сном Сильвания воображала, что этот букет ей прислал тайный, безумно красивый поклонник.

Сильвания подняла взгляд от своего журнала для девочек. Она лежала на старинной металлической кровати с фигурными спинками, стойки которых походили на спящих летучих мышей. На её постельном белье был рисунок полной луны и воющего на эту луну волка.

— Неудивительно, что мы не можем заснуть. Снаружи такая темень, что глаз не сомкнуть.

Дака вздохнула и обернула вокруг шеи длинную паучью лапку своей подушки.

— В Бистрине мы бы в это время полетели в школу. — Она с тоской посмотрела в окно на звёздное небо. — Ты скучаешь по Трансильвании так же сильно, как я?

Сильвания закатила глаза:

— Мы всего-то один день как уехали, а ты уже тоскуешь. Ты ещё хуже папы.

— Ну и что? Чего уж такого плохого в тоске по родине?

— Ничего. Я только считаю, что мы здесь должны хотя бы попытаться. Ради папы мы двенадцать лет жили в Трансильвании. И теперь мы здесь ради мамы. Это нечестно — всегда всё портить своим недовольством.

— Портить? А кто тут может хоть что-то испортить? Тут и без нас всё давно испорчено! — Дака рывком соскочила с кровати и, взмахнув руками пару раз, взлетела к потолку. Она повисла вниз головой, зацепившись ногами за металлическую цепь.

— Дакария! Сейчас же сойди вниз! — воскликнула Сильвания.

— Нет, не сойду, раз ты называешь меня Дакарией. — Дака скрестила на груди руки.

— Дака, пожалуйста, спустись. А вдруг тебя кто-нибудь увидит!

— Кто тут меня увидит? — спросила та, кивнув в сторону окна.

— Ну, кто-нибудь из соседей.

— Для этого им пришлось бы пролететь мимо нашего окна на высоте третьего этажа, — возразила Дака.

Сильвания вздохнула.

— Да перестань! Что, уж и повисеть нельзя у себя дома. Люди тоже так делают. — Дака стала раскачиваться на цепи взад и вперед. Цепь заскрипела.

— Да, но только выглядит это немного иначе, — сказала Сильвания.

— И что? Я же не изменилась с головы до ног только оттого, что мы отъехали от привычного места на пару тысяч километров. Если люди понятия не имеют, как надо